

Наука и власть

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ¹**

Е.Ф. Синельникова

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

Аннотация: *Статья посвящена изучению законодательно-нормативных основ регулирования взаимоотношений власти и научных обществ на начальном периоде истории советского государства и права, когда происходило революционное обновление государственности в ходе социально-политических и экономических преобразований. Исследование основано на архивных источниках из фондов научных обществ и научно-административных властных органов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Кроме того, в статье особое внимание уделено первым законодательным актам советской власти, которые определяли условия и регулировали функционирование научных обществ. Изучение законодательно-нормативных актов, принятых в период с октября 1917 г. по август 1922 г., позволяет выявить особенности взаимоотношений научных обществ и советской власти на начальном этапе формирования государственной организации науки.*

Ключевые слова: *научные общества, законодательно-нормативное регулирование, власть и общество, административная практика, история отечественной науки, первые послереволюционные годы, советская власть, Временное правительство.*

Научные общества играли важную роль в системе организации науки дореволюционной России, способствовали сложному процессу создания гражданского общества, формировали социально-культурное пространство страны. Выдающиеся ученые придавали большое значение своему участию в деятельности этих профессиональных объединений. Многие академики являлись руководителями и членами научных обществ, и иногда входили в несколько подобных организаций одновременно (например, академик А.П. Карпинский был руководителем Российского минералогического общества, членом Совета Общества естествоиспытателей при Императорском Санкт-Петербургском университете и членом Русского палеонтологического общества).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00730.

Научные общества находились в ведении Министерства народного просвещения, при этом в правовом отношении являясь общественными организациями. Их отношения с властью регулировались Временными правилами об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. [Временные правила об обществах и союзах... 1994: 206–217].

После свержения самодержавия корректировке подверглись правовые основы существования научных обществ. 12 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило постановление «О собраниях и союзах» [О собраниях и союзах... 1917: 848–849], согласно которому «все без исключения российские граждане» получили право, «без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих уголовным законам» [Там же: 849].

Принципиальное отличие от предшествующего законодательства заключалось в том, что то или иное общество могло быть закрыто только по суду и «лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами» [Там же]. Это в полной мере отражало стремление новой власти демократизировать общественную сферу.

Порядок регистрации обществ определялся постановлением «О регистрации товариществ, обществ и союзов» [О регистрации товариществ, обществ и союзов... 1917: 1586–1591], опубликованном 19 июля 1917 г. Оно содержало ряд нововведений. Так, заявление для регистрации общества следовало подавать в окружной суд, причем вопрос о регистрации решался в судебном заседании, после чего общество вносилось в специальный реестр [Там же: 1587]. На вынесение решения о регистрации или отказа в ней отводился один месяц. При отказе жалоба должна была теперь подаваться не в Первый департамент Сената, а в Судебную палату, которая опять же в течение месяца решала вопрос [Там же]. В случае отказа и со стороны палаты можно было пожаловаться в Гражданский департамент Правительствующего Сената, который так же как и раньше выступал как последняя инстанция [Там же: 1587–1588]. Важно, что согласно этому Постановлению все делопроизводство по регистрации обществ и союзов было «открыто для обозрения всех желающих» [Там же: 1588]. Одна из частей постановления, касавшаяся регистрационных отделов при окружных судах, представляла собой подробнейшую инструкцию по делопроизводству и правила ведения реестра [Там же: 1587–1588].

Несмотря на изменение правовой основы функционирования обществ, Временное правительство не стало проводить перерегистрации уже существующих общественных организаций. В соответствии с новым законодательством должны были регистрироваться только вновь создаваемые общества.

После Февральской революции взаимоотношения власти и научных обществ стали строиться на более демократических началах. Однако, в виду недолгой практики применения, упомянутые нововведения Временного правительства не сыграли существенной роли в дальнейшем развитии правовых взаимоотношений власти и общественных организаций.

Октябрьская революция отменила все предшествующее законодательство, поэтому в первые послереволюционные годы важнейшим направлением деятельности советской власти стало законотворчество, направленное на формирование нового общественного строя. Изучение законодательно-нормативных актов, принятых в период с октября 1917 г. по август 1922 г., позволит выявить особенности взаимоотношений научных обществ и советской власти на начальном этапе формирования государственного управления наукой.

Несмотря на то, что «советское правительство не ликвидировало и не запретило деятельности многочисленных дореволюционных обществ и союзов» [Коржихина 1981: 3], а право граждан на «объединение в организации» было закреплено в Конституции РСФСР в

июле 1918 г. [Советские конституции... 1963: 134], уже первые большевистские декреты поставили существование научных обществ под угрозу.

Новое законодательство, в частности, затронуло материальные основы функционирования научных обществ. Так, в результате действия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков» [Декрет ВЦИК «О национализации банков» 1917: 149–150], принятого 27 (14) декабря 1917 г., и дополнившего его декрета Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» [Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» 1918: 286–287], опубликованного 8 февраля (26 января) 1918 г., научные общества лишились своих капиталов. Денежные средства до Октябрьской революции, например, Русское техническое общество держало в Государственном банке и частью в Волго-Камском банке [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134], Русское общество любителей мироведения в Государственной сберегательной кассе и Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 13] и т. п.

Дело в том, что крупные негосударственные научные организации обладали значительными денежными капиталами, которые они, согласно дореволюционному законодательству, обязаны были хранить в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Кроме того, денежные суммы могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные [Плато 1903: 5].

В условиях отсутствия денежных средств научные общества, продолжавшие функционировать (Русское техническое общество, Российское минералогическое общество, Русское географическое общество и другие), стали обращаться за субсидиями к создаваемым в это время советским административным органам. Ассигнования, начиная с июля 1918 г. [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57 об.], выделялись обществам согласно представленными ими проектами смет по полугодиям, с приложением объяснительных записок [Северная коммуна. 1918. 26 ноября]. Для получения следующей полугодовой субсидии было необходимо представить помимо проекта сметы отчет о фактически полученных и израсходованных средствах за истекший период [Северная коммуна. 1919. 6 мая]. Эти объяснительные записки к сметам можно рассматривать не только как фактические финансовые отчеты, но и как планы деятельности научных обществ.

Сметы, тем не менее, зачастую подвергались серьезной корректировке со стороны власти, что влекло за собой и изменение плана работ. Так, Обществу естествоиспытателей при Петроградском университете смета на первое полугодие 1919 г. была урезана с более чем 160 тыс. до 75 тыс. рублей, так как средства на издательство были сокращены в полтора раза, и полностью были вычеркнуты расходы на содержание Мурманской биологической станции, «как находящейся в оккупированной местности» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 19]. Несмотря на то, что там находились сотрудники, а «биологическая станция не переставала считать себя российским учреждением и неоднократно обращалась к российской власти, а не к английской» [Там же: Л. 6].

Необходимо отметить, что советская власть подходила к финансированию научных обществ очень избирательно: субсидировались только те из них, деятельность которых представлялась целесообразной. Большевики были воодушевлены идеей создания современного, промышленного развитого государства [Грэхэм 1998: 197], при этом на первом плане стояли технические и естественные науки, значение которых для социалистической реорганизации народного хозяйства и обороны страны было особенно велико [Оснос 1943: 21].

В связи с этим, в «Сводном заключении Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений по субсидиям, предложенным ученым обществам и изданиям на первое полугодие

1919 г.» отмечалось, что «общая схема расходов [Русского технического] общества и соответствующий план его деятельности не вызывают возражений со стороны отдела и субсидирование общества представляется целесообразным» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58].

Там же сообщалось, что «[Русское географическое] общество, несомненно, заслуживает субсидирования и притом в крупных размерах, тем не менее, испрашиваемая обществом сумма может быть значительно сокращена» [Там же]. Несмотря на урезание финансирования для общества «ценна была и та поддержка, которая оказывалась в это время руководителями Наркомпроса и Главнауки» [Соколовский 1927: 37]. В том же документе, относительно сметы Русского общества любителей мироведения сообщалось, что она «составлена скромно и обосновано», а «деятельность общества идет энергично и носит вполне демократичный характер» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.], поэтому средства, просимые обществом, были ассигнованы в полном объеме.

Таким образом, научные общества оказывалась в неоднозначном положении, при котором будучи общественными организациями, вследствие отсутствия собственных денежных средств, они оказывались в финансовой зависимости от государства. В этой связи чрезвычайную важность приобретал для научных обществ вопрос их статуса в новой системе организации науки. Так, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, «вследствие его лишения права держания собственных капиталов, пожертвованных обществу для научных целей, и пользования с них процентами, составлявшими значительную долю доходных статей ежегодных смет общества» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 7], 11 декабря 1918 г. обращалось в Научный отдел Наркомпроса с просьбой определить статус общества. Совет общества предполагал, что в связи с национализацией его средств, общество переходит «на положение государственного учреждения, финансовая жизнь которого поддерживается исключительно правительственными ассигнованиями» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 7 об]. Отдельные научные общества считали себя частными организациями, финансово зависящими от государства. Так, например, Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений в Петрограде в марте 1919 г. сообщал Наркомпросу, что «Общество любителей древней письменности не есть государственное учреждение, а частное общество, получающее от государства субсидию» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 60. Л. 151].

Власть, несмотря на вполне обоснованные вопросы со стороны обществ, не была готова четко сформулировать свою позицию по этому вопросу. С одной стороны, Петроградское управление научными учреждениями в 1922 г. отмечало, что научные «общества, как это явствует из их уставов и самого существования обществ, не содержатся и не могут содержаться на средства государства, тем более в настоящее, исключительно трудное по финансовым условиям время» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 542. Л. 42]. Далее в документе указывалось: «Общества живут самостоятельностью своих членов, труды коих не оплачиваются, и которые сами участвуют в расходах по содержанию общества путем членских взносов и т. п.» [Там же]. С другой стороны, Наркомпрос и Главнаука требовали от научных обществ выполнения всех постановлений и циркуляров, которые рассылались им наравне с другими подведомственными научными учреждениями.

Вопросы вызывало и имущественно-материальное положение научных обществ, до революции обладавших не только денежными капиталами, но и ценным имуществом, в том числе и недвижимостью. Декрет, принятый ВЦИК 20 августа 1918 г., отменял частную собственность на недвижимость [Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах»... 1918: 743–746], а, следовательно, научные общества переставали быть хозяевами своих собственных помещений. Это обстоятельство сильно сказывалось на деятельности обществ, заставляя их тесно взаимодействовать с властью в этом направлении. За разрешением возникавших трудностей общества обращались как в местные администра-

тивные органы, так и в столичные. Так, президент Русского географического общества Ю.М. Шокальский был вынужден «хлопотать и в Ленинградском совете, а чаще выезжать в Москву и там выступать в центральных органах», так как «приходилось отстаивать дом [Географического общества] от разных организаций, стремившихся получить его, то под школу балетного искусства, то под какой-нибудь клуб» [Семенов-Тянь-Шанский, Герасимов, Орлов 1946: 134].

В отдельных случаях помещения одного научного общества передавались другому. Так, например, поступили в начале 1920 г. с Вольным экономическим обществом, которое, по мнению власти, в это «трудное и переходное время» было дезорганизовано и не вело активной деятельности. Их помещения отошли к Научному обществу марксистов [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 260. Л. 1]. Последнее было создано в декабре 1919 г., причем целью его работы были «разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 265. Л. 2], поэтому оно пользовалось безоговорочной поддержкой властей и занимало приоритетное положение.

В марте 1920 г. все подведомственные Наркомпросу учреждения, в том числе и научные общества, должны были вследствие экстренного требования Государственного контроля в трехдневный срок представить данные относительно занимаемых ими помещений [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 9. Л. 36]. Власть интересовало, имеют ли учреждения собственные здания, и как долго они ими занимаются, а также всегда ли эти здания находились в ведение Наркомпроса. Эта информация могла позволить контролирующим органам более эффективно распоряжаться столь ценным имуществом. Отдел недвижимых имуществ в 1920 г. сообщал в Петроградское управление научными учреждениями, Жилищный подотдел первого Городского района и в Русское географическое общество, что помещение, занимаемое последним, должно быть освобождено в недельный срок, так как «квартиры годные для жилья не могут предоставляться учреждениям» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 263. Л. 20]. Но благодаря заступничеству Ю.М. Шокальского обществу удалось отстоять свои помещения.

Безусловно, для функционирования общественных организаций, коими являлись научные общества, необходимы были как помещения, так и финансы, но еще большее значение в условиях глобальных политических изменений, происходивших в стране, для научных обществ имел вопрос легитимации их деятельности в новом правовом поле.

В первые же месяцы после Октябрьской революции были приняты меры к организации государственной системы руководства наукой. В декабре 1917 г. в составе Наркомпроса начал работать Научный отдел, созданный для руководства всеми научными учреждениями и организациями республики [Бастракова 1968: 5], в том числе и научными обществами.

27 июня 1918 г. Научный отдел Наркомпроса разослал все научным обществам специальное «Обращение» [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57-57 об]. Этот документ представляет значительный интерес, т. к. является свидетельством установления первого контакта советской власти с научными обществами. В нем излагались основные принципы, на которых власть предлагала научным обществам взаимодействовать с ней. Необходимо отметить, для научных обществ в первые годы советской власти главными были вопросы жизнедеятельности, а именно получение субсидий, оплата штатных сотрудников, покупка инвентаря, пополнение библиотеки, поиски средств для издания трудов, организации командировок и экспедиций, хозяйственные расходы, обеспеченность помещением и т. п., поэтому они охотно шли на контакт с новой советской властью. В связи с этим обоснованным представляется мнение Э.И. Колчинского, что «деньги становились решающим фактором, подталкивающим ученых к диалогу с властями» [Колчинский 2018: 95]. Утверждение же некоторых современных авторов о том, что «вне зависимости от специализации обществ, большинство имевших

дореволюционную историю, занимали идеологически самостоятельные позиции, выступая против идеологического диктата» [Берлявский 1996: 19], напротив, вызывает сомнения.

Наркомпрос, «желая самого тесного сотрудничества с научными обществами», готов был поддерживать работу обществ при условии «быть осведомленным во всех начинаниях и повседневной работе» [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57]. Одновременно с этим, Наркомпрос требовал от научных обществ культурно-просветительной работы среди широких слоев населения, по средствам организации научно-популярных лекций и курсов по различным отраслям знания, издательства научно-популярных брошюр и книг, а также устройства показательных выставок [Там же].

Вместе с «Обращением» рассылался анкетный лист для заполнения. Научные общества должны были доставить заполненные документ в Научный отдел до конца июля 1918 г. Необходимо было указать название общества, точный адрес, сообщить информацию о помещении общества, а также с какими научными обществами и учреждениями общество «находится в связи» [Там же: Л. 58]. Интересовали властные органы и основные статические показатели: количество заседаний, их средняя посещаемость, количество докладов, число членов. Отдельным пунктом в анкете значился финансовый отчет, включающий данные о средствах общества, которыми пользовалось общество до революции, статьи доходов и расходов за истекший год, а также каковы были «неотложные нужды общества, удовлетворение которых представляет жизненную необходимость для общества» [Там же: Л. 58 об].

Научный отдел также просил научные общества представить их уставы, «печатные научные труды, периодические издания и протоколы заседаний за последнее время» [Там же: Л. 57 об], а также впредь оповещать отдел о «всех более или менее значительных начинаниях обществ», присылать повестки на заседания и все научные труды, а также сообщать «раз в три месяца о деятельности общества за этот период» [Там же].

Таким образом, на нормативном уровне закреплялась поквартальная отчетность научных обществ перед Наркомпросом и ее форма, а также порядок взаимодействия научных обществ с властью в первые послереволюционные годы. «Обращение» также фактически являлось требованием регистрации научных обществ в новых советских административных органах. Общества направляли свои уставы практически без изменений, зачатую просто вычеркивая приметы дореволюционного времени (например, слова «Императорский» из названия университета, или упоминания членов императорской фамилии). Тем не менее, некоторые из научных обществ (например, Русское общество любителей мироведения, Общество гражданских инженеров) все же вносили коррективы в свои дореволюционные уставы «в соответствии с современным положением» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д.184. Л.26].

Однако официально перерегистрация обществ была проведена «на основании обязательного правительственного постановления от 7 августа 1919 г.» [ЦГА СПб... Ф.2555. Оп. 1. Д.58. Л.107]. Уставы утверждались в соответствующих отделах местных органов НКВД. Так, например, в Петрограде научные общества направляли документы для регистрации в Административный подотдел Отдела управления Губисполкома. Общество вносилось в «Реестр обществ и союзов». Так, 4 сентября 1919 г. Русское палестинское общество было зарегистрировано и внесено в реестр под № 17 [ЦГА СПб... Ф.2555. Оп. 1. Д.926. Л.15]. Русское историческое общество 17 октября 1919 г. зарегистрировано и внесено в реестр под № 44 [ЦГА СПб... Ф. 1001. Оп. 9. Д.1. Л. 44 об]. 18 ноября 1919 г. Русское общество любителей мироведения зарегистрировано под № 53 [Там же: Л. 53 об]. Общество страховых знаний 25 ноября 1919 г. под № 57 [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 188. Л. 1]. Общество гражданских инженеров 10 февраля 1920 г. было внесено под № 124 [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 28] и т. п.

Кроме удостоверения о регистрации, обществу возвращался один экземпляр устава с соответствующим штампом. Но это еще не означало завершение процесса. Общества должны были зарегистрироваться еще в Райисполкоме, а затем научные общества направляли свои документы в местный орган Наркомпроса. Важно, что в процессе регистрации в Наркомпрос обращались органы Губисполкома за заключением, которые строились по определенной схеме. Приведем заключение Петроградского управления научных учреждений на Русское техническое общество: «Учредители известны, как соответствующие деятели. Цели Общества при настоящих политико-экономических условиях достижимы. Согласно § 2 Устава и по своей многолетней научно-практической работе, Общество является весьма важным и ценным Учреждением для Республики, особенно в настоящий период ломки и строительства» [ЦГА СПб... Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 14].

Тем не менее, на общероссийском уровне перерегистрация всех обществ была объявлена правительственным постановлением, утвержденным 12 июня 1922 г. и состоящим всего из двух пунктов. Общества (в том числе и научные) подлежали регистрации НКВД в двухнедельный срок, с момента опубликования этого постановления [Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»... 1922: 650], при этом не допускалась регистрация новых обществ без «утверждения устава соответствующим органом» [Там же]. Также подчеркивалось, что «общества..., не зарегистрировавшиеся в указанный срок, подлежат немедленной ликвидации» [Там же]. Однако документ был очень кратким и не регулировал порядок регистрации, функционирования и ликвидации обществ.

Административная практика взаимоотношений власти и научных обществ к окончанию гражданской войны прошла определенное развитие. Назрела необходимость закрепления выработанных форм взаимодействия на законодательном уровне. В связи с этим, необходимо было создание комплексного законодательно-нормативного акта, регулирующего все эти процессы.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними»... 1922: 787], принятое 3 августа 1922 г., стало первым советским законом об общественных организациях. Оно положило начало массовой перерегистрации обществ.

По объективному утверждению отечественного историка И.Н. Ильиной, Постановление от 3 августа 1922 г. определило порядок регистрации обществ, «фактически позаимствовав его из дореволюционного законодательства» [Ильина 2000: 49], то есть имеются в виду Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Однако при анализе текста Постановления 1922 г. выявляются очевидные совпадения не только с Временными правилами 1906 г., но и с Постановлениями Временного правительства 1917 г.

Постановление 1922 г. представляло собой довольно краткий, состоящий всего из восьми пунктов документ, в соответствии с которым должны были регистрироваться «общества..., не преследующие цели извлечения прибыли для осуществления своей деятельности на территории РСФСР» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Под действие Временных правил 1906 г., так же как и Постановлений Временного правительства 1917 г. подходили только те объединения, которые также не ставили своей целью получение прибыли [Временные правила об обществах и союзах...: 206; О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1588].

Важно, что в Постановлении 1922 г. не оговаривалось ограничение на членство в обществах, как это было во Временных правилах от 4 марта 1906 г., но также отсутствовало в По-

становлении Временного правительства от 12 апреля 1917 г. [О собраниях и союзах...: 848–849], что делало этот документ более демократичным.

Согласно Постановлению 1922 г. обществу для регистрации необходимо было представить проект устава в трех экземплярах, «вместе с заявлением об утверждении, с указанием имени, фамилии, адресов учредителей в числе не менее десяти и за их подписями» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787], что в целом соответствовало требованиям и Временных правил 1906 г. [Временные правила об обществах и союзах...: 209] и Постановления Временного правительства [О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1586].

Четвертый пункт Постановления 1922 г., указывающий, какие сведения должны были содержаться в уставе регистрирующейся организации, практически дословно повторяет пункт двадцать первый Временных правил [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787; Временные правила об обществах и союзах...: 209]. Таким же образом, как и в Правилах 1906 г., в Постановлении 1922 г. устав уже зарегистрированного общества можно было изменить только путем «нового утверждения... устава» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787], то есть, фактически, при этом общество должно было, как и раньше, проходить перерегистрацию [Временные правила об обществах и союзах ...: 209].

Совершенно новым по сравнению с предшествующим законодательством было то, что регистрирующий орган теперь зависел от масштабов деятельности общества. Если район деятельности общества ограничивался одной губернией или областью, проект устава представлялся в отдел управления губернских исполнительных комитетов или областных исполнительных комитетов. Общества, масштаб деятельности которых выходил за пределы одной губернии или области, проекты своих уставов направляли на утверждение в Народный комиссариат внутренних дел через соответствующий областной или губернский отделы управления. Непосредственно в Народный комиссариат внутренних дел представлялись уставы обществ, предусматривающие деятельность во всероссийском масштабе. До октябрьской революции регистрирующий орган (губернское по делам об обществах и союзах присутствие, окружной суд) для всех обществ был регионального уровня.

Народный комиссариат внутренних дел и его местные органы по Постановлению 1922 г. не могли не принять проекты уставов для утверждения, причем названные органы были обязаны в месячный срок со дня поступления к ним устава сообщить учредителям общества об утверждении или отказе в таковом, «в последнем случае с указанием мотивов отказа» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Необходимо подчеркнуть, что Временные правила 1906 г. и Постановление Временного правительства 19 июля 1917 г. также предусматривали только месяц для вынесения решения о регистрации [Временные правила об обществах и союзах ...: 209; О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1587].

По положению 1922 г. отказать в регистрации могли только, если «утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Однако и отказ мог быть обжалован в президиуме Губисполкома или в президиуме ВЦИК.

Постановление от 3 августа 1922 г. имело важное значение для развития общественных организаций, так как оно оформило основы их взаимоотношений с советской властью.

Особо следует отметить, что Постановление об обществах и союзах 1922 г. было встречено эмигрантскими кругами по-разному. Газета «Накануне» — печатный орган сменовеховцев — приняла документ восторженно, так как, по их мнению, он вводил «в русское законо-

дательство право граждан РСФСР объединяться в общества и союзы любого рода» [М. 1922: 7]. Меншевистский журнал «Социалистический вестник», напротив, писал, что «разрешительный порядок открытия обществ, выдача разрешений полицейским ведомством г[осподи]на Держинского (Наркомвнудел); контроль того же ведомства над деятельностью обществ, и, предоставление ему права ревизии их денежных операций; закрытие обществ решением того же ведомства (не суда!)» ограничивают свободу советских граждан на объединение, что означает «закрепление в законе того беспорядка, которым они фактически пользовались до сих пор — вопреки конституции» [Там же].

Впоследствии, Постановление 1922 г. заслужило противоречивые оценки и историков. Например, И.Н. Ильиной он расценивался как «достаточно либеральный» [Ильина 2000: 56], такого же мнения был и Дж. Брэдли [Брэдли 1994: 37]. Напротив Н.В. Киселева считала, что «регистрация НКВД того или иного общества или отказ в ней стали составной частью процесса селекции обществ по социальным, политическим и идеологическим мотивам» [Киселева 1998: 40].

Не следует, однако, забывать, что справедливую оценку какому-либо нормативному документу можно дать, если оценивать не только его содержание как таковое, а то, каким образом его основные положения воплощались на практике.

Таким образом, в хаосе первых послереволюционных лет происходило формирование новой системы государственного управления. Изменение законодательно-нормативных основ взаимоотношений власти и научных обществ отражало уровень государственного присутствия в деятельности научных организаций и структур общественной сферы, и в силу этого может служить маркером складывающегося в первые послеоктябрьские годы политического режима.

В первые послереволюционные годы власть старалась оказывать научным обществам финансовую и материальную поддержку, хотя, так же как и до революции, она была дифференцированной. В новых политико-экономических условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей.

Властный контроль в годы гражданской войны осуществлялся, в основном, над финансовой жизнью обществ, однако и направления деятельности могли быть существенно скорректированы властью, путем урезания ассигнований.

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике знаменовали начало нового этапа в отношениях власти и научных обществ, что отразилось в принятии соответствующих законодательных актов.

Бастракова М.С. 1968. Предисловие — *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов.* — Л: Наука. — С. 3–18.

Берлявский Л.Г. 1996. *Отечественная наука и политика в 1920-е–1930-е гг.* — Ростов-на-Дону: ИМД Логос. — 144 с.

Брэдли Дж. 1994. Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. — *Вестник Московского государственного университета.* — Серия 8. История. — № 4. — С. 34–44.

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. 1994. — *Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.* — Т. 9. — М.: Юридическая литература. — С. 206–217.

ГАРФ... Государственный архив Российской Федерации

- Грэхэм Л.Р. 1998. *Очерки истории российской и советской науки*. — М. : Янус-К. — 312 с.
- Декрет ВЦИК «О национализации банков». 1917. — *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР)*. — № 10. — Ст. 150. — С. 149-150.
- Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 1922. — *СУ РСФСР*. — № 40. — Ст. 477. — С. 650.
- Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». 1918. — *СУ РСФСР*. — № 62. — Ст. 674. — С. 743–746.
- Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков». 1918. — *СУ РСФСР*. — № 19. — Ст. 295. — С. 286–287.
- Ильина И.Н. 2000. *Общественные организации России в 1920-е годы*. — М.: Наука. — 216 с.
- Киселева Н.В. 1998. *Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ*. — Ростов-на-Дону: РГУ. — 210 с.
- Колчинский Э.И. 2018. Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2. — С. 81–99.
- Коржихина Т.П. 1981. — *Общественные организации СССР*. — М.: Б.и. — 96 с.
- М. Не скопляйся. 1922. — *Социалистический вестник*. — № 17. — С. 7.
- О регистрации товариществ, обществ и союзов. 1917. — *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ)*. 1917. — № 165. — Ст. 907. — С. 1586–1591.
- О собраниях и союзах. 1917 — *СУ* — № 98. — Ст. 540. — С. 848–849.
- Онос Ю.А. 1943. Из истории советской науки (1917-1920-е гг.) — *Исторический журнал*. — № 5–6. — С. 18–25.
- Плато К.Г. 1903 *Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников*. — Рига: Типо-лит., словолитня и фото-химиграфия Э. Платеса. — 268 с.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». 1922. — *СУ РСФСР*. — № 49. — Ст. 622. — С. 787.
- Северная коммуна*. 1918. — 26 ноября.
- Северная коммуна*. 1919. — 6 мая.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П., Герасимов А.П., Орлов Б.П. 1946. Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное географическое общество. — *Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов*. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. — Ч. 1. — С. 111–142.
- Советские Конституции. Справочник*. 1963. — М.: Госполитиздат. — 350 с.
- Соколовский Г.Н. 1927. Русское географическое общество за последнее десятилетие. — *Научный работник*. — С. 36–44.
- ЦГА СПб... Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.